

А.Л. Соболев

Независимый исследователь,
119019 г. Москва, Российская Федерация

К истории московского «Дворца искусств»

В центре статьи – публикуемое впервые шуточное стихотворение Ивана Сергеевича Рукавишникова, посвященное драматическим страницам возглавляемого им «Дворца искусств», одного из раннесоветских опытов организации коллективного литературно-художественного пространства. В обрамляющих публикацию комментариях реконструируются отдельные эпизоды истории «Дворца искусств» и приводятся биографические справки о лицах, тесным образом с ним связанных.

Ключевые слова: «Дворец искусств», литературный быт, И.С. Рукавишников, А.В. Луначарский, С.Ф. Буданцев, В.Я. Брюсов, М.П. Малишевский, С.П. Бобров, С.С. Шереметев, Б.А. Пильняк, Я.Н. Милькин, А.И. Тиняков, А.В. Миних

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соболев А.Л. К истории московского «Дворца искусств» // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 135–162. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162

DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162

A. Sobolev

Independent researcher,
Moscow, 119019, Russian Federation

Toward the history of the Moscow “Palace of Arts”

The article is focused on a comic poem by Ivan Sergeevich Rukavishnikov, dedicated to the dramatic pages of the “Palace of Arts” under his guidance and published for the first time here. The “Palace of Arts” is an early Soviet attempt at organizing a collective literary and artistic space. The commentary that frames the publication reconstructs a few episodes from the history of the “Palace of Arts” and provides biographical information about writers and artists closely associated with it.

Key words: “Palace of Arts”, literary environment, I.S. Rukavishnikov, S.F. Budantsev, A.V. Lunacharsky, V.Ya. Briusov, M.P. Malishevsky, S.P. Bobrov, S.S. Sheremetev, B.A. Pilniak, Ya.N. Mil’kin, A.I. Tiniakov, A.V. Minikh

FOR CITATION: Sobolev A. Toward the history of the Moscow “Palace of Arts”. *Rhema*. 2020. No. 4. Pp. 135–162. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-135-162

Благодаря работам последних десятилетий (см. прежде всего: [Евстигнеева, 1996; Глухова, 2017]) короткая насыщенная история московского «Дворца искусств» приобрела уже некоторые контурные очертания, позволяющие если не представить ее во всей полноте, то, как минимум, осознать ее масштабы. Напечатано несколько мемуарных очерков, прямо или косвенно касающихся «Дворца» и его бессменного руководителя, поэта И.С. Рукавишникова; частично опубликованы официальные документы, относящиеся к организации «Двиса» (как его называли, пользуясь раннесоветской практикой сокращений); приведен краткий список участников его литературной секции. Между тем, до осознания подлинного его места в истории литературы еще далеко.

Отдельной рефлексии, кажется, потребует его идеологическая генеалогия: в частности, идея «Дворца искусств» (подразумевающая объединение разных родов искусства под одним, как сказали бы в недавнем

прошлом, «зонтичным брендом») была одним из интимнейших чайных художника В.В. Переплетчикова¹, который пытался воплотить ее, будучи ранним со-руководителем «Общества Свободной эстетики» – связь последней с «Дворцом искусств» очевидна даже применительно к персональному составу. Весьма занимательна и история переименовки «Двиса» в Высший Литературно-художественный институт: одно из замечательных явлений московских 1920-х гг. Чрезвычайно любопытны и детали модернистско-коммунистической синергии, выпукло явленные в теоретических и практических аспектах истории «Дворца искусств»: парадоксальным образом выяснилось, что символистская алчба всенародного искусства до степени смещения совпадает с коммунистическими надеждами в этой области.

Как это обычно бывает, подробная ревизия сохранившихся сведений видоизменит многие утвердившиеся представления о предмете: например, история «Двиса» будет начата не с декабря 1918 г., как принято ныне считать, а с середины, если даже не с начала осени этого года. Так, А.А. Блок, работающий в этот момент в Репертуарной и Историко-театральной секции ТЕО Наркомпроса, упоминает «Дворец искусств» в официальном заявлении от 4 октября 1918 г. («Назначить ряд заседаний нового Бюро Репертуарной Секции, в котором <...> было бы выработано отношение к Дворцу Искусств» [Блок, 1993, с. 164]), явно подразумевая, что название это небезызвестно коллегам. И действительно: за день до этой даты состоялось заседание под председательством А.В. Луначарского, где от имени ТЕО Наркомпроса был оглашен доклад о «Дворце искусств»². Текст его был напечатан в ноябре:

Театральный Отдел смотрит на будущий Дворец Искусств как на Дом пропаганды и агитации искусства, во всех его многообразных проявлениях.

Под пропагандой Театральный Отдел понимает пояснение искусства в исторической последовательности его развития, а также догматическое изложение связанных с искусством теоретических вопросов, в форме, доступной для широких народных масс. Приемами агитации Театральный Отдел хочет воспользоваться для вовлечения народа в сферу искусства, с определенной целью вызвать в нем самом творческую энергию. <...> В будущем Дворце Искусств наиболее действенно должно проявить себя театральное искусство как искусство

¹ Ср. в его дневниковой записи от 30 ноября 1903 г.: «Прошлый год я начал пропагандировать идею “Дворца искусства”, старался внушить ее К. Коровину, Серову. Если бы повел ее только я, – сейчас завистливые чувства у других. Передал это дело, и оно не подвинулось ни на шаг вперед» [Серов, 1971, с. 72].

² Проаннотирован в недооцененном справочнике: [Перечни, 1968, с. 406].

синтетическое. Былая художественная жизнь не давала достаточно широкого размаха для проявления театральным искусством этой синтетической его природы. Ныне, с перестройкой жизни страны для новой грядущей общественности, синтетическое начало в театральной стихии должно быть выявлено во всей его полноте. И Дворец Искусств должен стать этим местом, откуда прозвучат слова театра устами объединенного хора поэта, драматурга, композитора, балетмейстера, актера, певца, музыканта и всех прочих деятелей театра, создающих театральное действие как некое художественное целое, под творческим и организующим воздействием мастеров театра – установщика и творца декорационной живописи³ [Доклад, 1918, с. 9].

Аналогично должна быть отодвинута и вторая хронологическая граница: несмотря на формальную ликвидацию «Дворца» зимой 1920/1921 г.⁴, он будет упоминаться в газетной хронике еще как минимум до весны 1923 г.⁵

Пересмотрены будут и отвердевшие сведения о его структуре⁶: так, например, из нынешних исследований практически изъяты упоминания об издательском отделе «Двиса». Организован он был весной 1919 г.: на совещании литературного отдела 15 марта было постановлено «избрать редакционную издательскую коллегию из пяти лиц с правом кооптации и поручить избранной коллегии немедленно приступить к рассмотрению рукописей, поступивших для предполагаемых сборников Дворца Искусств» (текст сохранился в бумагах Вяч. Иванова (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Ф. 607. Ед. хр. 269. Л. 3)). Эти пять лиц – И. Рукавишников, А. Белый, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис и А. Топорков.

К этому моменту в издательском портфеле хранилась уже изрядная коллекция манускриптов: «Собираю рукописи для “Сборника Дворца искусств”». Дали уже: И. Новиков, Вяч. Иванов, К. Большаков, Р. Ивнев,

³ Получившийся в итоге богемный фаланстер был поневоле весьма далек от первоначальных ожиданий (сильно приправленных идеями Вяч. Иванова, что видно даже по самой лексике формулировок).

⁴ См. хронометраж сгущающихся туч: [Галушкин, 2005, с. 9–10 и далее].

⁵ Например: «В музее художественной культуры (Поварская, 52, Дворец Искусств) открылась выставка работ художника Митурича памяти Велимира Хлебникова» (Известия. 1923. № 85. 19 апреля. С. 6).

⁶ Ср. хоть и беглый, но заслуживающий упоминания взгляд: «Валерий Яковлевич сказал, что проводит меня, но только сначала покажет мне Дворец искусств. Мы вошли в вестибюль “Дома Ростовых”, который тогда мало походил на дворец: огромные комнаты или пустовали, или были перегорожены фанерными досками на несколько комнатушек. Между колоннами стояла железная печка-буржуйка; всюду были расклеены плакаты, лозунги, на дверях висели дощечки с надписями “секция балета”, “секция ИЗО”, “секция ЛИТО”, “отдел акробатики”, “живой уголок” и т.д.» [Толстова, 1972, с. 129].

Мандельштам, П. Орешин, В. Шершеневич, Пяст, Н. Крашенинников» (письмо И. С. Рукавишникова к А. М. Ремизову от 25 января 1919 г. [цит. по: Гречишкин, 1977, с. 39]). Сведения о предстоящем издании попали и в печать: «При “Дворце Искусств” организуется книгоиздательство и в ближайшем времени выпускает сборник при участии Вяч. Иванова, Ив. Рукавишникова, Рюрика Ивнева, М. Криницкого, В. Шершеневича, А. Коллонтай, Георгия Чулкова, О. Мандельштама, Пяста и др.» (Мысль (Харьков). 1919. № 10. С. 14). Между тем, издательство столкнулось с типичной проблемой – отсутствием бумаги. Взялся решить эту проблему будущий советский прозаик, а на тот момент – поэт и красноармеец С.Ф. Буданцев.

Стоявший у истоков «Дворца искусств», но вскоре разочаровавшийся в его руководстве («А тосковать есть о чем: дела плохи. За наше отсутствие “Дворец искусств” не приобрел ни денег, ни желания платить гонорар. Это ставит нас в безвыходное, трагическое положение. <...> Главное, с благовоспитанными, сусально-непрактичными символистами из “Д.И.” не сговориться толком. Проходят бесцельно и никчемно дни» (Письмо к В. В. Ильиной от 19 июня 1919 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2268. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 37.)), он все же берется за практическую задачу по извлечению оптовой партии бумаги из недр постреволюционной бюрократии. 26 июля 1919 г. С.Ф. Буданцев сообщает жене:

Я, между прочим, был сегодня в Полиграфическом отделе, по делам издательства Д.И. Печатать отказываются: нет бумаги. Может быть, потом что либо и удастся сделать в этом направлении. Говорят, печатные дела лучше всего обстоят в Минске. Но там по стратегически-военным соображениям нельзя предпринимать длительных работ. Отпадает (Письмо к В. В. Ильиной от 19 июня 1919 г. // РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 45 об.).

Через несколько недель он отправляется на фронт, имея в виду среди прочего раздобыть в качестве трофея вожделенную бумагу:

Если же мы в Москве задержимся, то я сам примусь за устройство своих дел. Не думаю, чтобы Рукавишников и Луначарский, имея в виду знаменитый вагон бумаги, отпустили меня спокойно и расстались со мной надолго. Выколачивать бумагу надо из этого района, из Добруша и Шклова. Бумагу можно вывозить в порядке эвакуации. Все это из наших литераторов сумеют сделать только двое: Маяковский и я. Даже Шершеневич не годится! (Письмо от 20 сентября 1919 г. // РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 69–69 об.).

Наконец, 22 сентября 1919 года вопрос оказывается почти решенным:

Наряд на бумагу в Главбуме уже получен. За реализацией этого наряда в Гомель четыре дня назад выехал специальный агент Смоленского Союза Рабочей Кооперации. На долю Дворца Искусств приходится 990 пуд<ов>. По 200–250 руб. пуд. <...>

Прими во внимание бедность Д.И. и средствами и дельными людьми, и ты поймешь, что я беспокоюсь сильно за то, что наша доля бумаги не будет подарена Союзу Рабочей Кооперации.

Обо всем этом я написал Рукавишникову. Подвинтить его необходимо и поторопить. Если он затрудняется достать 250 тысяч необходимые немедленно на бумагу, то пусть он возьмет у Луначарского в Литературном ко<ми>тете. Я об этом ему не писал. Неудобно учить азбучным истинам.

Ох уж эти литераторы из символистов. Я даже от И.С. (как, впрочем, и от тебя) даже писем не получаю. Я бы с удовольствием приехал в Москву и сам бы уладил эти в конце концов несложные дела.

Такая досада (Письмо от 22 сентября 1919 г. // РГАЛИ. Ф. 2268. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 71 об.–72).

Между тем, на пути сборника возникает новое – и неожиданное препятствие: В.Я. Брюсов, стоящий весьма близко к руководству «Дворца искусств», пишет на рукопись альманаха не то чтобы полностью отрицательный, но при этом достаточно холодный отзыв, датированный 5 мая 1920 г.:

Авторы, поместившие в нем свои стихи, принадлежат к весьма различным «школам» и «направлениям» нашей поэзии. Есть «классики», «символисты», «футуристы» и «имажинисты» разных фракций, пролетарские поэты и т.д. Некоторые стихотворения хороши, другие менее удачны, одни поэты представлены характерными для них стихотворениями, другие не характерными, бледными. Никакой объединяющей идеей сборник не связан. Нельзя признать его и картиной современной русской поэзии. Для этого и выбор авторов и выбор произведений слишком случаен. Вопрос о том, должно ли печатать сборник, зависит от решения принципиального вопроса, как относиться к такого рода безыдейным сборникам, вызванным чисто случайной группировкой авторов [Путеводитель, 2009, с. 108].

Несколько месяцев спустя на должность заведующего издательством был приглашен поэт и стиховед М.П. Малишевский. 20 сентября 1920 г. он писал Рукавишникову:

При последнем нашем свидании, глубокоуважаемый Иван Сергеевич, Вы предложили мне взять на себя заботы о Дворцовом издательстве вообще и интересовались моими компенсирующими претензиями к Дворцу.

Поразмыслив, прихожу к следующему: если эта работа не требует времени «от и до», что кажется и есть на самом деле, то я соглашаюсь на нее и тем радостнее, чем скорее я мог бы получить комнату, особенно если в верхнем этаже.

Комнату представляю себе со столом, стулом, диваном или постелью и нет-нет да и отапливаемой. Затем надеюсь на 3 обеда (может быть [необязательно] безвозмездных?) и ½ ф<унта> хлеба. Жалованье не обязательно. Далее рассчитываю на беспрепятственную возможность посещать все организуемые Дворцом худ<ожественно>-просв<ети-тельские> выступления, а главное на дружеские отношения сочленов и сослуживцев.

Если мои притязания не покажутся Вам свернехвыполнимыми <?>, то, с Вашим согласием одновременно, приступлю к переезду во Дворец и новой своей работе.

Желаю искренно наискорейшего выздоровления.

Уважающий Вас Мих. Малишевский (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 89. Л. 1).

Впрочем, и это кадровое приобретение уже не помогло: под издательской маркой «Дома искусств» за все время вышло всего лишь три книги.

Другой полностью скрытой страницей истории «Дворца искусств» видится хроника работы его «Книжной лавки». О ней сохранился краткий мемуар одного из членов⁷ и хроникеров «Дворца», И.Н. Розанова:

Лавка «Дворца Искусств» имела кратковременное существование. Она производила впечатление какой-то неналаженности. Там всегда было пусто и холодно. Товару там было мало: почти все книги (а больше брошюры) выложены и разложены были на прилавках, а на полках было запустение. Тут почти никогда не было покупателей и всего один продавец: поэт М. Р<ойзман>⁸, высокий и стройный

⁷ Он был записан туда при посредстве Г.И. Чулкова, см. в письме Чулкова к Розанову от 23 сентября 1919 г.: «В воскресенье я заходил в Дворец Искусств с намерением записать Вас в члены, но, к сожалению, не застал там никого. Бродил в полумраке зал довольно долго, пока не почувствовал, что вокруг меня призраки. Ушел торопливо, стараясь не оглядываться» (Российская государственная библиотека. Ф. 653. Карт. 40. Ед. хр. 88. Л. 1).

⁸ Который, в свою очередь, также оставил воспоминания о своей недолгой службе по ту сторону книжного прилавка (см.: [Ройзман, 1973, с. 24–25]).

молодой человек с военной походкой и необычайно надменным и победоносным видом. Позднее в каком-то поэтическом кафе он держал буфет и обнаружил незаурядные коммерческие <способности?>, но в книгах он решительно ничего не понимал и, боясь продешевить, за каждую книгу, без исключения, заламывал несуразно большую цену. Тем не менее однажды я нашел все прилавки у него пустыми. Оказывается, был покупатель из провинции, который не долго думая и почти не торгуясь, купил всю наличность магазина: ему дано было поручение и большая ассигновка, и он захотел поскорее отделаться. Тогда встречались такого типа покупатели, но держаться только ими торговля не могла, и лавку пришлось закрыть. Не знаю, в каком отношении находилась она ко «Дворцу Искусств», помещавшемуся на Поварской, в д. бывш. Сологуб<ов>, где позднее был Брюсовский Институт, а ныне Фин-Инспекция. Во «Дворце» было несколько секций: литературная, музыкальная, изобразительных искусств и т.д. Во главе всего стоял поэт Иван Рукавишников, милейший, но совсем не деловой человек. В общем, эта организация была чем-то вроде чернового наброска позднейшего ГАХН'а, но гораздо хуже организованного. Лавка мало отражала разнообразные вкусы и интересы «Дворца»: книг по искусству не очень много, больше стихов, но все новые. Помню большое количество павленковских биографий. Анти-кварных книг совсем не было⁹.

Аналогично приблизительны наши представления и о внутреннем бюрократическом устройстве «Дворца»: так, например, переписка с Ф. Сологубом (чье московское выступление 1920 г. оказалось памятно многим мемуаристам) велась от имени «концертного подотдела Дворца искусств»¹⁰, – о персональном составе которого нам вовсе ничего неизвестно. Вероятно, в далеком будущем будет составлена и подробная, по дням, хроника мероприятий «Дворца», изрядное число материалов к которой уже накоплено¹¹, хотя и не систематизировано.

В будущей хронике, возможно, найдется место и для печатаемого ниже текста, относящегося к наиболее драматическим эпизодам истории «Дворца». В январе 1921 г. Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) обнаруживает финансовые злоупотребления при проведении культурных мероприятий и постановлением от 9 февраля предписывает

⁹ Рукопись хранится в нашем собрании.

¹⁰ «Концертный П/О Дворца Искусств предлагает Вам поручать устройство Ваших литературных выступлений Дворцу Искусств и уведомляет Вас, что, получив сведения о Вашем приезде в Москву, Дворец Искусств объявил вечер Вашей поэзии в Политехническом музее, 21 сентября 1920» (ИРЛИ РАН. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 107. Л. 4).

¹¹ Одно из самых впечатляющих собраний повесток «Дворца» отложилось в архиве Н.Н. Минаева (Государственный литературный музей. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 270).

«Дворец искусств» закрыть «ввиду несоответствия деятельности задачам Наркомпроса и неоднократного нарушения сметного порядка» [Галушкин, 2005, с. 10]¹². В ответ И.С. Рукавишников, его бессменный руководитель, пишет стихотворение.

*КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДВОРЦА ИСКУССТВ МОСКОВСКОГО
РЕЧЕНИЕМ БОГОМЕРЗКИМ ГЛАГОЛЕМОГО ДВИС¹³*

*Двис угоден лишь Наркому –
Сектор кажет нам клыки.
Но Наркому то знакомо,
Да и мы не дураки.*

*«Где устав? где ваша смета?
Что вы? Общество? Отдел?» –
– Это выдумка поэта,
Не касайтесь наших дел! –*

*«Что?! Концерты?! Что! доходы!
А декреты? А Рабкрин?!»
– Мы не можем без свободы,
Вас так много – Двис один...*

*«После лекции к вечерне?
Запечатать! Ей! Че-ка!»
Да, у Двиса много терний,
Жизнь Ивана не легка...*

*Чтобы не было историй,
Служит службу в сюртуке
Митрофорнейший Григорий
На немецком языке.*

*Между Главков, Центров, Просов,
Между двух коварных Лиз,
Разрешая тьму вопросов,
Проплывает славный Двис...*

*С важным видом моноклиста
Граф Сережа бьет бобров.
А для шума, писка, свиста
Есть у нас Сергей Бобров.*

*И Кирилл считает деньги,
И ворчит Вениамин.
Руль налево! Крепче стеньги!
В бурном море Двис один!*

¹² Дурные вести распространялись быстро. 22 февраля 1921 г. акоитист Н.П. Хориков спрашивал у Т.Г. Мачтета: «Очень интересуюсь судьбой Дворца Искусств. Правда ли, что он закрыт?» (РГАЛИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 14).

¹³ Заглавие аккуратно выписано славянской вязью.

*Эльза, Валя тихи, скромны
А за Фаней глаз да глаз!
Му-Пильняк из Му-Коломны
Му-мычит про свой рассказ.*

*Потапёнок главный спорщик
Скалит зубы, как скелет.
Яков Милькин заговорщик
Пишет пасквиль в Комитет.*

*Заваясь печатным словом,
Хламом, конской колбасой,
Малишевский с Тиняковым
Блещут эллинской красой.*

*Подле сих сосед по келье
Целомудр, смирен и тих
Продолжает жизнь в весельи
Александр блаженный Мних.*

*Бой. Литовцы, фобры, Фричи,
Ощутив разбойный раж,
В жажде славы и добычи
Лезут все на абордаж.*

*В час, погибелью грозящий,
Не дрожит, не спит поэт.
Пушку верной исходящей
Заряжает комитет.*

*Дым. Огонь. Борьба. Смятенье.
В трюме ползает Чека.
Горьким словом сожаленья
Жги сердца, сия строка!*

*И израненный усталый
С верной Лизочкой Иван
Отплывает в илюпке малой
В гиблый жаркий Туркестан.*

*Щепки в волнах закачались.
Звезд не видно сквозь туман
Чайкой кружится Адалис,
С ней Валерий черный вран.*

*Пали гордые на брюхо.
Лишь недвижны, как гранит,
Ното rusticus Катюха
И Устинья троглодит.*

(РГБ. Ф. 198. Карт. 8. Ед. хр. 5)

Комментарии

Двис угоден лишь Наркому – Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – нарком просвещения, идеолог, со-организатор и покровитель «Дворца искусств». Его аппаратного веса оказалось недостаточно, чтобы отстоять любимое детище перед могущественным Рабкрином (см. подробности финальной переписки: [Галушкин, 2005, с. 30–31]). Луначарский неоднократно сам выступал во «Дворце искусств» с докладами (например, 27 марта 1919 г. с вступительным словом «Абсолютный покой Бога как основная ошибка мистиков» [Ефимов, 1992, с. 170]), полемикой (например, 23 апреля 1919 г. участвовал в беседе с М. Криницким; см. повестку (РГБ. Ф. 746. Карт. 33. Ед. хр. 56. Л. 2)) и чтением собственных текстов (см., например, сведения о декламации драматической поэмы «Митра-Спаситель» [Ашукин, 1998, № 31, с. 188]), один из которых вышел под издательской маркой «Двиса»: «Иван в раю. Миф в пяти картинах» (М., 1920).

Сектор кажет нам клыки – Художественный сектор Наркомпроса, в ведении которого формально состоял «Дворец искусств».

Где устав? где ваша смета? – сохранилось несколько вариантов Устава (РГАЛИ. Ф. 589. Оп. 1. Ед. хр. 1; ИМЛИ РАН. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 1 (фрагменты из него приводятся: [Евстигнеева, 1996, с. 117–118])). Выдержки из сметы «Дворца» помещены в приложении к статье Е.В. Глуховой [Глухова, 2017, с. 935]. Вероятно, этих документов было недостаточно для того, чтобы удовлетворить недружелюбное любопытство представителей РКИ.

После лекции к вечерне? – религиозный быт «Дворца искусств» действительно был весьма своеобразен. А. Белый, близко стоявший к организации и работе «Двиса», писал в большом письме-отчете к Р.В. Иванову-Разумнику от 17 июля 1920 г.:

Во «Дворце искусств» (в домово́й церкви) служит отец Богданов (московская знаменитость, духовидец, про которого говорят, что он что-то уж слишком быстро и нервно бежит вокруг престола над Чашей – точно скачет: соблазн! Говорят, – что он бесов изгоняет и своих адептов заставляет каждый день причастие принимать); он служит; церковка, полная народу, поет [Переписка, 1998, с. 208].

Этого же священника упоминает в мемуарных записях М.И. Миллиоти:

...у входа в лиловой рясе сидит самый настоящий русский священник – батюшка, о. Александр, синеглазый и кроткий <...> О. Александр тоже живет во Дворце Искусств, он священник домово́й церкви Е.Ф. Соллогуб, б<ывшей> владелицы этого дома [Евстигнеева, 1996, с. 128].

Он же упоминается в повести Б.А. Пильняка «Иван-да-Марья»: *И в доме, где поэты, писатели, актеры, художники, музыканты – спят, едят и живут, как всегда в сладком запахе тленья, где ходят привидения и голая актриса, – там у концертной залы и посейчас – поистине святой священник – служит Богу в домовый церкви, в черной чередѣ умерших Соллогубов* [Пильняк, 2003, с. 232]. В действительности Белый перепутал, смешав двух московских иереев: в «Дворце искусств» продолжал служить Александр Иванович Гомановский (1886 – после 1941). Он родился в 1886 г. в Кимрах, учился на двухгодичных богословских курсах. В 1908 г. напечатал стихотворение (единственное, разысканное к настоящему дню) в газете «Тверское Поволжье» [Коркуновы, 2012, с. 64–66]. В 1911 г. был рукоположен во священники. Служил в Астраханской губернии, в Санкт-Петербурге, был военным священником (с обязанностями санитаря). С конца 1910-х гг. – священник домовый церкви графини Е.Ф. Сологуб; с 1922 г. – священник церкви преподобного Саввы на Девичьем поле. В 1926 г. тайно пострижен в монашество с именем Даниил. В 1929 г. он был арестован, отбывал заключение на Соловках, в 1932 г. осужден на ссылку в Алма-Ату, в 1941 г. снова арестован и приговорен к десяти годам заключения; умер в лагере (см.: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9815/>; [Самарины, 2001, с. 217; Русские святые, 2010, с. 244]). Белый же смешал его с его духовным наставником, известным московским батюшкой, протоиереем Владимиром Анатольевичем Богдановым (в монашестве Серафимом; 1865–1931).

Жизнь Ивана не легка – то есть самого автора, Ивана Сергеевича Рукавишникова.

Служит службу в сюртуке

Митрофорнейший Григорий

На немецком языке – Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) – переводчик и философ, важнейшее действующее лицо религиозно-философской жизни Москвы 1900–1910-х гг. В уже упоминавшемся письме к Иванову-Разумнику Белый писал: «Скорей за Рачинским! Где Рачинский? В тюрьме... Как же так! Ему надо председательствовать! Отрешимся от старого мира! Радуйся Невеста Невестная! Свете Тихий! Ура! И – Рачинский председательствует; и “наркому” это приятно, и публике приятно: осанистый, седой, опытный председатель от “всей Москвы”. И Вячеславу Иванову приятно: “Аа, Григорий Алексеевич, – наконец-то встретились!” И Рукавишникову приятно: “Что? А мы скажем Рачинскому! Пошлем за Рачинским! Рачинский!..” И мне приятно...» [Переписка, 1998, с. 208] (здесь же упоминается его участие в богослужении). Рачинский, в частности, был товарищем председателя

Литературного отдела «Дворца искусств» – выбран 14 июня 1920 г. «вследствие невозможности активной работы председателя Литературного отдела – Вяч. Иванова» (см. протокол заседания: РГАЛИ. Ф. 589. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 8).

Митрофорный – имеющий право на ношение митры; Рукавишников, вероятно, подразумевает значительные заслуги Рачинского или его представительный облик.

Между Главков, Центров, Просов – фрагменты советских неологизмов, среди которых наиболее принципиален последний: составная часть имени Наркомата просвещения, Наркомпроса, в ведомстве которого состоял «Дворец искусств».

Между двух коварных Лиз – эта строчка представляет собой известную сложность, прежде всего, из-за обилия Елизавет среди обитателей и регулярных посетителей «Дворца искусств» (см. также ниже упоминание «верной Лизочки», тоже идентифицируемой не без труда).

Может быть, одна из них – Елизавета Владимировна Гольденвейзер (1888 – не ранее 1942; по другим сведениям – 1922) – выпускница Строгановского художественно-промышленного училища; позже – заведующая библиотекой Высшего литературно-художественного института (ВЛХИ). Должность ее и роль во «Дворце искусств» нам неизвестна, но, например, К. Чуковский, хлопотавший об открытии в Петрограде «Дворца» по образцу московского (из этого проекта вырос знаменитый и удачливый «Дом Искусств»), рапортовал о ходе своих попыток именно ей (см. его письмо от 8 октября 1919 г. [Чуковский, 2013, с. 427–428]).

Второй из них может оказаться Елизавета Алексеевна Красильщикова (урожденная Друженкова; во втором браке графиня Шереметева; 1879 или 1884–1959) – купеческая дочь, вышедшая шестнадцатилетней гимназисткой замуж за богатого мануфактур-советника; модель В.А. Серова. М.И. Милиоти упоминает ее в галерее постояльцев «Дворца искусств»: «А это что такое? Кто она? Увешанная драгоценностями среди бела дня, подобно Иверской? Купчиха Красильщикова! Как, она тоже хочет каши и воблы работников искусства? Она также предпочитает не тратить уже не фамильных, а благоприобретенных папашей драгоценностей. Она довольно привлекательна, лет сорока с лишним, синеглаза» [Евстигнеева, 1996, с. 123]; ср.: «Теперь эта толстая, рыхлая блондинка, увешанная, как манекен на магазинной витрине, несколькими парами паради и эспри на шляпе и с тремя меховыми палантинами на котиковом пальто, подавала всем первая руку с кольцами и браслетами под вязаными варежками. Ее преследовал безумный, маниакальный страх перед кражей соседями по квартире ее имущества, и она уносила с собой из дома все ценное» [Серпинская, 2003, с. 248]. Вскоре после

описываемых событий эмигрировала через Прибалтику с младшим из сыновей; во Франции вышла замуж за С.С. Шереметева (о котором см. далее); сильно нуждалась. В 1932 г. переехала к дочери во Флоренцию, где, по словам биографа, «приобрела стойкие пороки» [Красильщиков, Сафронов, 2000, с. 113]; после смерти дочери была выгнана сватьей из дома; умерла в нищете во Флоренции. См. о ней: [Тестаччо, 2000, с. 119 (здесь ее титул отчего-то взят в кавычки); Сологуб, 2010, с. 184].

Не исключен, впрочем, и более прозаический вариант идентификации «коварных Лиз» – среди деловых бумаг «Дворца» хранится протокол следующего содержания:

Комитет Дворца искусств в лице присутствующих В.Я. Брюсова, И.С. Рукавишникова, Г.А. Рачинского и М.И. Ивинского сего 2 апреля 1921 г. составил настоящий акт в том, что гражд. Конищева Е.И. и гражданка Салюта Е.А. довели до сведения Комитета, что при уборке в одной из комнат в помещении Дворца искусств, ими найдены два ценных предмета: 1) Нитка жемчуга из шестидесяти трех зерен и 2) обрывок цепочки из семи зерен жемчуга. Кроме того, Е.И. Конищева утверждает, что Е.А. Салюта подняла в той же комнате с пола еще запонку с одним зеленым и несколькими белыми, неизвестно какими камнями. Гр. Салюта не отрицает этого факта, но утверждает, что запонка была взята у нее гр. Конищевой. Последняя уверяет, что она не брала запонки, и что таковая осталась на руках у гр. Салюта. Никто из членов Комитета запонки не видел.

(ИМЛИ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 5)

Не имея никаких биографических подробностях об упомянутых гражданках, но принимая во внимание их инициалы и то обстоятельство, что комментируемое стихотворение написано той же весной, мы не можем исключить, что подразумеваются здесь именно они.

Граф Сережа бьет бобров – граф Сергей Сергеевич Шереметев (1878–1942) – потомок древнего рода.

На пороге открывшейся двери оказалось что-то высокое тонкое, бледноглазое, изысканно-породистое – все блеклых тонов, как долго лежалый лист, в красной кофте с моноклем в глазу. Хочется опять протереть глаза. Галлюцинация? Нет, это сосед Василия Дмитриевича, жилец следующей комнаты флигеля, художник, истый парижанин, влюбленный в Париж, парижские шантаны, бывший товарищ по играм великих князей, т.к. его отец был их воспитателем – Сергей Сергеевич Шереметев, упраздненный граф Шереметев. Всем обликом напоминает старую даму. Все время кудахчет, но кудахчет мило и забавно. Приглашает посмотреть свои картины. Идем. У него две

комнаты, заполненные до отказа вещами из дворцов Шереметевых. Вещи прекрасные, ценные, особенно табакерки. На стенах какие-то предки. Они чувствуют себя здесь под защитой искусства. Среди предков картины Сергея Сергеевича. Пастель – виды Парижа. Все такое же бледноглазое, блеклое, давно ушедшее, как автор картин.

[Евстигнеева, 1996, с. 126]

Бывший граф Сергей Сергеевич Шереметев, сын культурнейшего среди старой аристократии Сергея Дмитриевича Шереметева: которому до революции принадлежали: в Москве – целый квартал домов, ряд имений, подмосковных усадеб; в Петербурге – земель и дворцов. Говорили, что это второй по богатству после Романовых человек в России. Один из его сыновей, Сергей Сергеевич, художник, все время, за редкими выездами, проживал в Париже. Там у него осталась меблированная квартира со студией и бессменно поджидавшим с начала империалистической войны своего барина преданным лакеем. Несмотря на французское художественное воспитание, Сергей Сергеевич не увлекся разными новыми школами и направлениями, очевидно, считая всякую крайность признаком дурного тона, и писал свои масляные и акварельные пейзажики в благоразумной, скучноватой манере передвижников, чуть освеженной импрессионизмом. Во Дворец Искусств он переехал из Шереметевского переулка, привезя самолично на салазках свое добро, состоявшее, главным образом, в вызывающих общую зависть нескольких ящиках лефрановской пастели, масла и английской акварели «Виндзор и Ньютон». Сергей Сергеевич любил «болтать» обо всем, искал общества, был общителен и любезен со всеми.

[Серпинская, 2003, с. 247]

В действительности эвакуации в «Дворец искусств» предшествовала серия обысков и массивные изъятия в доме Шереметева, а также его тяжелая болезнь [Шереметева, 2005, с. 78 и далее]. Одиннадцать его рисунков экспонировались на выставке, организованной отделом ИЗО «Дворца искусств» с 15 мая по 15 июля 1919 г. [Первая выставка, 1919, с. 8]; примечательно, что здесь он еще значится с адресом «Воздвиженка, 8». Впоследствии Шереметев женился на упоминавшейся выше Е.А. Красильщиковой и смог эмигрировать во Францию. В период жизни в «Дворце искусств» Шереметев вел альбом, впоследствии утраченный; из него сохранились полностью лишь две записи Бориса Пильняка (мы приводим их далее) и несколько разрозненных фрагментов (РГБ. Ф. 198. Карт. 15. Ед. хр. 58).

Есть у нас Сергей Бобров – поэт и ученый Сергей Павлович Бобров (1889–1971) принимал активное участие в жизни «Дворца»; в частности,

он был лектором «Литературных курсов», открытых 1 июля 1919 г. (см. информационную заметку: Известия. 1919. № 142. 2 июля. С. 4); об этом же сообщалось особыми повестками, сохранился экземпляр, отправленный Н.Н. Минаеву (ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 2а). Упоминается в ряде мемуаров о «Дворце искусств», например: «Без кровинки в лице, одутловатом от сидения без воздуха над письменным столом, в пенсне над близорукими черными глазами, с красным ртом вампира, Сергей Бобров, ученый и волшебник, маг стихотворной формы, с беспощадной жестокостью будет клеймить всякое ритмическое отступление неопытных новичков» [Серпинская, 2003, с. 239]; «Рядом со мной Сергей Бобров, автор “Лиры Лир”, как всегда взъерошенный, несмотря на духоту и жару в зеленом измятом непромокаемом пальто. Он криво усмехается, не скрывая презрения» [Одоевцева, 1988, с. 247–248]. О лекциях Боброва упоминает, в частности, В. Каверин: «Я был одним из бесчисленных маленьких поэтиков, посещавших Дворец искусств, слушавших лекции поэта С. Боброва, поражавшихся его умению анатомически препарировать поэзию и с робким уважением поглядывавших на имажинистов, которые были в ту пору самым видным литературным направлением в Москве» [Каверин, 1965, с. 376].

И Кирилл считает деньги, / И ворчит Вениамин – эти лица нам неизвестны. Есть небольшой шанс, что Кирилл – это Кирилл Федорович Малинин, впоследствии преподаватель Высшего литературно-художественного института (личное дело: РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 81), сделавшийся позже администратором Большого театра.

Эльза, Валя тихи скромны / А за Фаней глаз да глаз! – неустановленные лица.

Му-Пильняк из Му-Коломны – Борис Андреевич Пильняк (1894–1938), состоявший членом инициативной группы «Дворца искусств» [Пильняк, 1922, с. 42], многократно упоминается в посвященных ему воспоминаниях: в частности, он был застигнут *en flagrant délit* М.А. Кузминым, прибывшим в компании Н.С. Гумилева в Москву ради поэтического выступления в Политехническом:

Во Двор<ец> Искусств ужасная даль. Дом, по преданию, Ростовых из “Войны и мира”. Прелестный особняк. Заходим. Комнат никаких, постелей тоже. Пьяный Рукавишников трясет бородой и хотел одного положить с <В.В.> Держановским, другого в черную комнату с черным потолком, без электричества, с дымной печкой. Но когда ее открыли, там обнаружился Пильняк с дамой.

[Кузмин, 1992, с. 110]

Ср. в записях М.И. Милиоти: «рыжий, всклокоченный, весь в каких-то непромытых прыщах, из ботинок свисают белые грубые носки. Он весь с вывертом. “Несомненно нахал”, – так думаю я. Кто же он?

Писатель Пильняк, только что приехавший откуда-то с Волги» [Евстигнеева, 1996, с. 130]; ср.: «появлявшийся высокий детина с рыжими кудрями, несмотря на вид ушкуйника или анархиста, никаких грозных намерений не питал, больше интересуясь женской половиной небольшого штата Дворца Искусств. Он оказался начинающим молодым писателем, опьяненным нахлынувшим успехом (“Мать – урожденная Вогау”, – шептали на ушко сплетницы), очень увлекательным для девушек. Радостно вытаскивали они кульки и свертки с винами и закусками и уводили ушкуйника с приятелями в боковой жилой флигелек, где можно было расположиться как угодно» [Серпинская, 2003, с. 242]. Во «Дворце искусств» происходит часть действия повести Пильняка «Иван-да-Марья». Он действительно много лет жил в Коломне. Сохранились его записи на листах из (в основном утраченного) альбома упомянутого выше С.С. Шереметева:

1. Марк Мейчик, страдая, сочиняет дворцовый регламент «для иностранных держав», Елизавета Владимировна – записывает. Иван Рукавишников, истинный поэт, доказывает о мастерах <sic!>*. На дворе играет Марина в городки, мальчишки свистят в строчки, и кричит какая-то птичка. Вечер, сумерки – не какая-то птичка, а ласточка. Граф Шереметьев <sic!> толкует, как изгнать из ИЗО <густо зачеркнуто одно слово>**: обезвредить негодный элемент. – А-ах! июнь! Надо идти играть в шахматы, и хорошо бы поесть ветчины с горошком. Шереметьев же томится про холодное вино.

Бор. Пильняк

- 1) «Администрация филиалов утверждается центром»
- 2) «Завтра придет контроль» (Елиз. Влад.)
- 3) «С Сергеевым быть в явно плохих отношениях» (Ив. Рук.)

* Черт бы побрал лентяев Дворца Искусств! – афоризм Ивана Рукавишникова, сказанный в два часа ночи с 13 на 14 июня 1920. Записал Борис Пильняк.

** Зачеркнуто по настоянию Сергея Сергеевича, понеже – секрет.

(РГБ. Ф. 198. Карт. 15. Ед. хр. 58. Л. 1)

2. По крови я не русский, – но люблю Россию: должно быть так же, как любил бы мать, если она была бы проституткой, – более блядской страны я не представляю.

Вот – Дворец Искусств. В эти дни дымов, лихорадок, чертовщин, глупых страданий и глупых радостей, – поистине, – дом этот, со всей его пыльностью – был тем ручьем студеным, кои текут из-под навозного снега.

Но я сказал уже о русских величайших делах (!) из Вампуки.

Борис Пильняк

Москва, 30 июня 1921.

(РГБ. Ф. 198. Карт. 15. Ед. хр. 58. Л. 2)

Марк Мейчик – см. ниже.

Елизавета Владимировна – по контексту должна быть Елизавета Михайловна, его жена (о которой также см. ниже), но, возможно, упоминаемая выше Е.В. Гольденвейзер.

Марина – вряд ли Цветаева (впрочем, живущая в Москве и в «Дворце искусств» регулярно бывающая), но других кандидатур у нас нет.

Сергеев – нам неизвестен.

Потапенко главный спорщик – в упоминавшемся выше каталоге «Первой выставки картин, рисунков и скульптуры Дворца Искусств» упомянуты двое художников по фамилии Потапенко (здесь они – явно ошибочно – поименованы как «Попатенко»): Павел и В.В., при этом адрес Павла – «Поварская, 52», т.е. собственно «Двис», так что, вероятно, речь идет о нем. Но при этом лаконичный перечень выставленных работ (автопортрет, портрет жены, Леда и А.В. Луначарский) – единственное его упоминание, которое нам удалось разыскать: следов его нет ни в адресных книгах, ни в архивах учебных заведений, готовящих художников.

Яков Милькин заговорщик – в том же каталоге есть и несколько работ Милькина, известного куда лучше. Яков (Янкель, Жан) Николаевич (Нохимович) Милькин (1877 – не раньше 1944) родился в Могилеве, учился в Художественной школе и в Академии художеств в Петербурге [Российское зарубежье, 2010, с. 191]. По окончании ее уехал в Мариуполь; см. его письмо Д.Г. Гинзбургу от 4 мая 1903 г. (РНБ. Ф. 183. Ед. хр. 860. Л. 1–2). После работал в Киеве (ср. характеристику Милькина как киевского художника в автобиографии портретированного им Н.И. Николаева [Русская интеллигенция, 2010, с. 123]), с 1918 г. участвовал в московских выставках [Выставки, 1965, с. 15]. Не он ли – «неустановленное лицо» из дневника К.А. Сомова: «“Куманистка” Беляева хочет сделать донос на Милькина и Анюту за незаметную продажу вещей Бенезе – мстит от зависти и жадности, что ей не достанутся вещи, которые она хотела» [Сомов, 2017, с. 514]? С 1920-х гг. в эмиграции, с 1928 г. – в Париже (редкие его упоминания в культурной летописи зафиксированы [Русское зарубежье, 1997]). С приходом нацистов – заключенный Компьенского лагеря:

Художник Милькин... <...> Это был уже очень немолодой человек, питомец петербургской Академии художеств, ученик Репина и передвижников. Я никогда не видал ни одной из его картин, но другие художники о нем отзывались не без уважения, что редкость в этой среде. За границей он работал довольно долго и не без успеха – в том смысле, что его допускали в большие салоны, и даже он имел некоторое количество наград, в том числе серебряную медаль. <...> В какой-то момент относительного либерализма Милькин был выпущен

по болезни, но не сумел вовремя скрыться. Он был взят во время больших облав осени 1942 года и отправлен в Германию, где и погиб.
[Костицын, 2009, с. 77]

Погиб в Освенциме.

Малишевский с Тиняковым – поэт и ученый Михаил Петрович Малишевский (1896–1955) – участник «Дворца искусств» с лета 1920 г. В письме от 12 июня к своему другу А.И. Кириленко, сообщая о судьбе своей жены актрисы О.М. Холиной, он, среди прочего, писал: «Ее устраиваю в драматическую студию или театр и уже познакомил с некоторыми членами Дворца Искусств, членом которого имею честь в числе 313 состоять» (документ находится в частном собрании). Был в хороших отношениях с Рукавишниковым; ср. в дневниковой записи 12 июля 1922 г.:

Вчера Рукавишников, взглянув на линии моей руки, сказал: нельзя распыляться. Сосредотачивайтесь. Мы живем всего 60 лет. Можно ли успеть все? Изберите точку и проникайте вглубь. Сегодня откажитесь от пищи, завтра от женщины. Наглазники надо надевать. Смотреть в одну точку! Всегда думайте об одном. Так Пушкин писал Онегина.
(частное собрание)

3 апреля 1921 г., сообщая тому же Кириленко текст свеженанписанного стихотворения «Через улицу» (*Из ящичка с дешевыми обоями...*), Малишевский присовокуплял: «А вот еще. Рецензии. Рукавишников и Тиняков, ярые старички – “да, сильно, сильно”» (частное собрание). Это не единственное свидетельство его отношений с несопоставимо более знаменитым Александром Ивановичем Тиняковым (1886–1934); ср., например, запись в дневнике Т.Г. Мачтета 10 апреля 1921 г.:

Третьего дня я в яркий солнечный день узрел умилительную довольно сцену. На перилах балкона восседал Малишевский, в качалке рядом Адалис покоится, а внизу со двора на них любовно глядит Тиняков, весь обросший волосами.

[Дроздов, 2014, с. 726]

В библиотеке Малишевского хранилась дебютная книга Тинякова «*Navis nigra*» (М., 1912) с автографом «Михаилу Петровичу Малишевскому в жестокие дни московской голодовки. 5 марта 1921 г. Москва. “Дворец Искусств”» (ныне этот экземпляр утрачен).

Александр блаженный Мних – почти наверняка это поэт Александр Васильевич Миних (наст. фам. Маслов; 1903 – 1941 или 1942). Известно о нем очень немного: судя по самому раннему из разысканных упоминаний, он был одесским уроженцем; жил в Крыму:

Саша Маслов, гимназист и уже поэт, печатавший свои стихи в тонких одесских журнальчиках, отправился в Коктебель к Волошину за литературной новинкой, которую мать его хотела декламировать в Одессе (она была артистка и имела студию в Одессе). Этот же мальчик говорил, что т.к. по матери он потомок пресловутого графа Миниха, то хочет выбрать это имя своим псевдонимом и будет «хлопотать у Государя Императора, чтоб позволил ему именоваться графом Минихом».

[Шиль, 2018, с. 93]

Был добровольцем-мотоциклистом в автоброневом отряде Красной Армии [Железнов, 1976, с. 434]. Состоял участником эфемерной литературной группы «Алтаир»; ср. информационную заметку в киевской «Пролетарской правде» от 17 мая 1922 г.:

На юге России под знаком “Алтаир” объединилась группа акмеистов и неоклассиков, в которую вошли: Александр Миних, Евгений Нежинцев, Николай Нольден, Петр Рыжей, Рафаил Скомаровский и Николай Ушаков. Готовятся к изданию: Алтаир I и Алтаир II – Петербургская Муза.

[цит. по: Поберезкина, 2015, с. 219]

Напечатал стихотворение «Ода граду Одессе» в петроградском альманахе «Литературные вечера. Вечер первый» (Пг., 1923). В 1927 г. поэтесса Сусанна Укше упоминала его на допросе по делу кружка «Зеленая лампа»:

Московская группа акмеистов образовалась в 1923 г. <...> Потом мы подумали о расширении группы и пригласили поэта Миниха, которого нам хвалили как прекрасного поэта с акмеистическим уклоном. Он был 2 раза и уехал.

[Виноградов, 1994, с. 5]

Состоял в кружке «Никитинские субботники», о чем, в частности, свидетельствует его участие в сочиненном на одном из заседаний коллективном сонете:

Коллективный сонет

*Из антитез и тезисов окрошка,
Помилуй Бог вписать в такую дичь,
Мне этого, сознаюсь, не постичь,
Я человек, к несчастью, а не кошка.
Поднесь манифестантствует Сережка,
Сергей Евгеньич сиречь и остричь,
Дождусь ли я, чтоб малахольный хрыч*

*Был выдран 72-й Матрешкой.
А все ж таки он будет знаменит,
Над ним уже горит звезда скандала
И промежуточная обласкала
Таки его, и глас его звенит.
Но Нельдихена выслушав, мы снова
Подходим к выступлению Степного.
Ми-ми-тар-пень-ско-тум¹⁴.*

(ГЛМ. Ф. 383. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1)

Был женат на племяннице цитированной выше С.Н. Шиль: «Первый муж Веры Шиль был талантливый писатель и поэт Александр Миних, погибший на войне. Он бывал в доме Волошина, у меня есть фотография, на которой он, среди других, рядом с Волошиным в его мастерской» [Менчинская, 2003, с. 389]. Выпустил книгу «Лицо профессии» (М.; Л., 1931). Его портрет этого времени содержится в мемуарах одного из знакомых:

Саша был высокого роста с голубыми глазами, подтверждая своим обликом происхождение от Минихов (немецких баронов) по женской линии. В тридцатые годы он уже был известен в литературных кругах как поэт, также как переводчик поэтов в стихах с татарского и армянского языка.

(Гойлов Н.С. Моя московская «богема» // Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 20)

Входил в дружеский круг сестер Герцык [Таинства игры, 2007, с. 106, 228, 261, 282]; был знаком с М.А. Волошиным и бывал у него в Коктебеле. В 1937 г. допрашивался по делу поэта Ивана Приблудного (см. фрагмент протокола [Веденин, 2007, с. 172–173]; автором книги он охарактеризован как «некий»; возможно, протокол взят из работы [Растерзанные тени, 1995, с. 252–253], но в ней-то как раз минимальная биографическая справка о Маслове есть). В начале войны вступил в ополчение; погиб на фронте (см. [Союз писателей, 2015, с. 542, 543]; здесь опубликованы лаконичные воспоминания о нем П.Г. Скосырева и Н.Н. Панова). На сайте «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru/>) воспроизведена его учетная карточка, где, в частности, сообщается, что 15 мая 1942 г. он пропал без вести. Несколько его стихотворений, библиография и краткий мемуар о нем приведены в антологии: [Строка, 1976, с. 433–438].

¹⁴ Примечание Н.Н. Минаева: «Написано на собр<ании> “Ник<итинских> Суб<ботников>“ Минихом, Минаевым, Тарловским, Пеньковским, Скосыревым и Туманным во время чтения Нельдихена. Мои 3<-я> и 4<-я> строчки».

Бой. Литовцы, фобры, Фричи – литовцы – представители Литературного отдела Наркомпроса (ЛИТО). Фобры – вероятно, Главпрофобр (Главный комитет профессионально-технического образования). Владимир Максович Фриче (1870–1929) – высокопоставленный литературовед-марксист. Мог докучать «Дворцу искусств» в качестве члена ЛИТО Наркомпроса.

С верной Лизочкой Иван – даже если учесть приведенную выше оговорку про обилие Елизавет во «Дворце искусств», весьма вероятно, что имеется в виду Елизавета Михайловна Мейчик (урожденная Ростэн; 1895–1968) – дочь инженера; виолончелистка, заведовавшая некоторое время деловой перепиской «Двиса» (см., в частности, ее письмо Блоку от 6 января 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1)). Кратко она упоминается и в мемуарах:

Елизавета Михайловна Мейчик, жена пианиста Марка Мейчика, встречаемая мной раньше как организаторша всяких благотворительных вечеров и концертов в пользу раненых воинов.

[Серпинская, 2003, с. 241]

Упомянутый Марк Наумович Мейчик (1880–1950) также входил в руководство «Двиса»). В декабре 1921 г. она, уже оформившая развод с Мейчиком, будет арестована московской ЧК за систематическое получение по подложным документам разнообразных промышленных товаров для реализации их на черном рынке [Жирнов, 2015]. В дальнейшем, вернув себе девичью фамилию, выступала вместе с Л.В. Собиновым, сопровождая его, в частности, в большом турне по Средней Азии и Кавказу летом 1929 г. [Польская; Розенфельд, 1974, с. 113–114]. Ее воспоминания о Собинове напечатаны [Собинов, 1970, с. 270–277].

В гиблый жаркий Туркестан – Рукавишников был откомандирован в Туркестан весной 1921 г. 29 апреля 1921 г. газета «Известия Туркестанского краевого комитета Российской Коммунистической партии и Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, دهقانских, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР» сообщила, что он прибыл в Ташкент для организации местного «Дворца искусств» по образцу Московского [Зинин, 2011, с. 88–89] (сама заметка осталась нам недоступна за отсутствием газеты в фондах РГБ). В материалах, касающихся его среднеазиатского вояжа, упоминается и прибывший с ним секретарь московского «Дворца», но имя его (или скорее ее) не называется. Вернулся он из среднеазиатского турне не позже начала лета – в середине мая он еще был в Самарканде. Недовольные зрители писали:

*С «ним» мы встретились вчера...
И отживший, умирающий
Нам рожденным, в жизнь вступающим,
Преподнес он перержавленный
Наконечник от пера...*

[И, 1921]

7 июня был составлен акт «в том, что при осмотре дома № 52 по Поварской улице по возвращении из Ташкента И.С. Рукавишников обнаружил в присутствии Екатерины Яковлевны Галаниной, следующее: дверь кладовой в верхнем этаже дома оказалась запертой на замок, но при некотором усилии свободно открывалась потому что другая половинка двери не задерживалась шпингалетом, который был опущен» (ИМЛИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 7).

Чайкой кружится Адалис, / С ней Валерий черный вран – вряд ли требуют подробного комментария имена Аделины Ефимовны Адалис (1900–1969) и Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924), а также подробности их романа.

Ното rusticus Катюха – Атрибуция этого лица представляет известную трудность. В записях М.И. Милиоти упоминается служанка Екатерина:

Вот влетает шустрая бабенка и не своим голосом, не стесняясь, на всю столовую кричит: «Иван Сергеевич, долго буду ждать-то тебя? Чего же ты? Вода стынет, иди, штоль, мыться-то. Жду, жду... без тебя делов много, иди скорейча...». Это Катя – домашняя работница. Иван Сергеевич спешит: «А то возьмет да и выльет воду, она у нас такая».

[Евстигнеева, 1996, с. 130]

Не исключено, что это названная выше Е.Я. Галанина, вместе с которой Рукавишников в 1921 г. ревизовал кладовую. С другой стороны, в многочисленных мемуарах упоминается цыганская девочка Катя из семьи цыган, живших на заднем дворе «Дворца» (глава семейства был в прошлом конюхом Соллогубов) [Цветаева, 2001, с. 147, 150; Эфрон, 2013, с. 131, 145–149]. Вероятно, неожиданное ретроспективное повзросление Кати в поздних воспоминаниях А.С. Эфрон («В полу-подвале центрального здания обитала цыганка Катя с мужем-шофером, добрая глазастая Катя, шившая нам, голодраным “писательским детям”, тапочки на веревочной подошве и частенько совавшая мне, самой слабенькой и младшей из всех, то картофелину, то кусок почти настоящей лепешки» [Эфрон, 2010, с. 160]) объясняется ошибкой памяти.

И Устинья троглодит – дворничиха «Дворца искусств» Устинья упоминается в одном-единственном источнике – записных книжках М.И. Цветаевой [Цветаева, 2001, с. 116, 120].

Библиографический список / References

Ашукин, 1998 – Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном // Новое литературное обозрение. 1998. № 31–33. [Ashukin N. Notes about what I have seen and heard. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. No. 31–33. (In Russ.)]

Блок, 1993 – Блок в театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса: Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензии Блока // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 134–222. [Blok in the theater and literary committee and the TEO of the People's Commissariat for Education: Documentary Chronicle. Blok's unknown letters and reviews. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. Book 5. Moscow, 1993. Pp. 134–222. (In Russ.)]

Веденин, 2007 – Веденин Ю. Его псевдоним – Иван Буйный. Рязань, 2007. [Vedenin Yu. Ego psevdonim – Ivan Buyny [His pen name was Ivan Buiny]. Ryazan, 2007.]

Виноградов, 1994 – Виноградов В. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // Независимая газета. 1994. № 74 (750). 20 апреля. С. 5. [Vinogradov V. "The Green Lamp". The topic "Mikhail Bulgakov and the Chekists" continued. *Nezavisimaya gazeta*. 1994. No. 74 (750). 20 April. P. 5. (In Russ.)]

Выставки, 1965 – Выставки советского изобразительного искусства. Справочник. Т. 1. 1917–1932 гг. М., 1965. [Vystavki sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva [Exhibitions of Soviet art]. A reference. Vol. 1. 1917–1932. Moscow, 1965.]

Галушкин, 2005 – Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. Т. 1. Ч. 2 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. [The literary life of Russia in the 1920s: Events. Contemporary responses. Bibliography. Vol. 1. Part 2: Moscow and Petrograd. 1921–1922. A.Yu. Galushkin (ed.). Moscow, 2005. (In Russ.)]

Глухова, 2017 – Глухова Е.В. Андрей Белый в проектах первых лет Советской власти: «Дворец искусств» (1919–1920) // Перелом 1917 года. Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. М., 2017. С. 786–839. [Glukhova E.V. Andrei Bely in the projects of the first years of Soviet power: "Palace of Arts" (1919–1920). *Perelom 1917 goda. Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury: Issledovaniia i materialy*. Moscow, 2017. Pp. 786–839. (In Russ.)]

Гречишкин, 1977 – Гречишкин С.С. Архив А.М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 20–45. [Grechishkin S.S. A.M. Remizov's Archive. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1975 god*. Leningrad, 1977. Pp. 20–45. (In Russ.)]

Доклад, 1918 – Доклад, представленный Театральным Отделом Совету по делам Дворца Искусств на I организационном заседании под председательством Народного Комиссара по Просвещению А.В. Луначарского // Временник театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. 1918. Вып. 1. Ноябрь. [A report presented by the Theater Department to the Council for the Palace of Arts at the I organizational meeting chaired by the People's Commissar for Education A.V. Lunacharsky. *Vremennik teatral'nogo otdela Narodnogo komissariata po prosveshcheniiu*. 1918. No. 1. November. (In Russ.)]

Дроздов, 2014 – Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. [Drozdov V.A. Dum

spiro spero. O Vadime Shersheneviche, i ne tolko: Stati, razyskaniya, publikatsii [Dum spiro spero. About Vadim Shershenevich, and not only about him: Articles, research notes, publications]. Moscow, 2014.]

Евстигнеева, 1996 – Евстигнеева А.Л. Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца Искусств) // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 116–140. [Evstigneeva A.L. A mansion on Povarskaia Street (From the history of the Moscow Palace of Arts). *Vstrechi s proshlym*. Vol. 8. Moscow, 1996. Pp. 116–140. (In Russ.)]

Ефимов, 1992 – Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского (1917–1933). Т. 1. Кн. 1. Душанбе, 1992. [Efimov V.V. Letopis zhizni i deyatelnosti A.V. Lunacharskogo (1917–1933) [Chronicle of the life and work of A.V. Lunacharsky (1917–1933)]. Vol. 1. Book 1. Dushanbe, 1992.]

Железнов, 1976 – Железнов П. В бою он стал политруком // Строка, оборванная пулей. М., 1976. С. 433–436. [Zheleznov P. In the battle he became a political instructor. *Stroka, oborvannaia pulei*. Moscow, 1976. Pp. 433–436. (In Russ.)]

Жирнов, 2015 – Жирнов Е. «В деле замешан ряд служащих НКпроса»: Как Сталин выручал своего оскандалившегося заместителя // Коммерсант Власть. 2015. № 36. С. 11–13. [Zhirnov E. “A few employees of the People’s Commissariat for Education are involved in the case”: How Stalin rescued his disgraced deputy. *Kommersant Vlast*. 2015. No. 36. Pp. 11–13. (In Russ.)]

Зинин, 2011 – Зинин С.И. Поездка Сергея Есенина в Туркестан: Документально-литературный очерк. Изд. 2-е. Ташкент, 2011. [Zinin S.I. Poezdka Sergeya Esenina v Turkestan: Dokumentalno-literaturnyy ocherk [Sergey Yesenin’s trip to Turkestan: A documentary and literary sketch]. Ed. 2nd. Tashkent, 2011.]

И, 1921 – И. Пародия (к выступлению И. Рукавишникова) // Пролетарий (Самарканд). 1921. № 98. 15 мая. С. 6. [I. A parody (of I. Rukavishnikov’s performance). *Proletarii* (Samarkand). 1921. No. 98. 15 May. P. 6. (In Russ.)]

Каверин, 1965 – Каверин В. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1965. [Kaverin V. Sbranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, 1965.]

Коркуновы, 2012 – Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина: Краеведческие очерки. Вып. 7. Кимры, 2012. [Korkunov V.I., Korkunov V.V. Kimrskaya starina: Kraevedcheskie ocherki [Kimry Antiquity: Local Studies]. Vol. 7. Kimry, 2012.]

Костицын, 2009 – Костицын В.А. Воспоминания о Компьенском лагере (1941–1942). М., 2009. [Kostitsyn V.A. Vospominaniya o Kompenskom lagere (1941–1942) [Memoirs of the Compiègne internment camp (1941–1942)]. Moscow, 2009. (In Russ.)]

Красильщиков, Сафронов, 2000 – Красильщиков А.П., Сафронов В.Д. Фабриканты Красильщиковы. М., 2000. [Krasilshchikov A.P., Safronov V.D. Fabrikanty Krasilshchikovy [The Krasilshchikov manufacturers]. Moscow, 2000.]

Кузмин, 1992 – Гумилев и Кузмин на «вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г. (По дневнику М.А. Кузмина) // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С. 109–112. [Gumilev and Kuzmin at the “evening of modern poetry” in Moscow on 2 November 1920 (Based on M.A. Kuzmin’ diary). *N. Gumilev i russkii Parnas*. St. Petersburg, 1992. Pp. 109–112.]

Менчинская, 2003 – Менчинская Н. Крымские «аргонавты» XX века. Воспоминания, документальные свидетельства, портреты героев. М., 2003.

[Menchinskaya N. Krymskie «argonavty» XX veka. Vospominaniya, dokumentalnye svidetelstva, portrety geroev [20th-century Crimean “Argonauts”. Memories, documentary evidence, portraits of heroes]. Moscow, 2003.]

Одоевцева, 1988 – Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. [Odoevtseva I. Na beregakh Nevy [On the banks of the Neva]. Moscow, 1988.]

Первая выставка, 1919 – 1-я выставка картин, рисунков и скульптуры Дворца Искусств. [М.], 1919. [1-ya vystavka kartin, risunkov i skulptury Dvortsa Iskusstv [The 1st Exhibition of paintings, drawings and sculpture at the Palace of Arts]. Moscow, 1919.]

Переписка, 1998 – Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. [Andrey Belyy i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence]. St. Petersburg, 1998.]

Перечни, 1968 – Перечни документов и материалов по истории русского советского театра 1917–1921 гг., хранящихся в ЦГАОР СССР, ЦГАСА, ЦГАЛИ СССР, ЛГАОРСС // Русский советский театр. 1917–1921. Л., 1968. С. 403– 481. [Lists of documents and materials on the history of the Russian Soviet theater of 1917–1921, stored in the TsGAOR of the USSR, TsGASA, TsGALI of the USSR, and LGAORSS. *Russkii sovetskii teatr. 1917–1921*. Leningrad, 1968. Pp. 403–481. (In Russ.)]

Пильняк, 1922 – Писатели – о себе: Бор. Пильняк // Новая Русская Книга (Берлин). 1922. № 2. С. 42–43. [Writers – about themselves: Boris Pilniak. *Novaia Russkaia Kniga* (Berlin). 1922. No. 2. Pp. 42–43.]

Пильняк, 2003 – Пильняк Б.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. [Pilniak B.A. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, 2003.]

Поберезкина, 2015 – Поберезкина П.Е. Мандельштам и Киевская печать (Предварительные заметки) // Корни, побеги, плоды: Мандельштамовские дни в Варшаве. М., 2015. [Poberezkina P.E. Mandelshtam and the Kiev press (Preliminary notes). *Korni, pobegi, plody: Mandelshtamovskie dni v Varshave*. Moscow, 2015. (In Russ.)]

Польская, Розенфельд, 1974 – Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса: Памятные места Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь, 1974. [Polskaia E., Rozenfeld B. Dorigie adresa: Pamyatnye mesta Kavkazskikh Mineralnykh Vod [Dear addresses: Memorable places of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol, 1974.]

Путеводитель, 2009 – Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг.: Путеводитель по фонду Госиздата. М., 2009. [Izдание khudozhestvennoy literatury v RSFSR v 1919–1924 gg.: Putevoditel po fondu Gosizdata [Publication of fiction in the RSFSR in 1919–1924: A guide to the Gosizdat archive]. Moscow, 2009.]

Растерзанные тени, 1995 – Куняев С.Ю., Куняев С.С. Растерзанные тени. М., 1995. [Kunyaev S.Yu., Kunyaev S.S. Rasterzannye teni [Lacerated shadows]. Moscow, 1995.]

Ройзман, 1973 – Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М., 1973. [Roizman M. Vse, chto pomnyu o Esenine [All I remember about Yesenin]. Moscow, 1973.]

Российское зарубежье, 2010 – Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 2: Л–Р. М., 2010. [Rossiyskoe zarubezhe vo Frantsii. 1919–2000. Biograficheskiy slovar [Russian Diaspora in France. 1919–2000. Biographical Dictionary]. L. Mnukhin, M. Avril, V. Losskaya (eds.). Vol. 2: L–R. Moscow, 2010.]

Русская интеллигенция, 2010 – Русская интеллигенция: Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова. Т. 2: М–Я. СПб., 2010. [Russkaya intelligentsiya: Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova [Russian intelligentsia: Autobiographies and biobibliographical documents in S.A. Vengerov's collection]. Vol. 2: M–Ya. St. Petersburg, 2010.]

Русские святые, 2010 – Русские святые и подвижники православия: Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. [Russkie svyatye i podvizhniki pravoslaviya: Istoricheskaya entsiklopediya [Russian saints and Orthodox martyrs: Historical encyclopedia]. O.A. Platonov (ed.). Moscow, 2010.]

Русское зарубежье, 1997 – Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 4: Указатели. М., 1997. [Russkoe zarubezhe: Khronika nauchnoy, kulturnoy i obshchestvennoy zhizni. 1920–1940. Frantsiya [Russian Diaspora: Chronicle of Academic, Cultural and Social Life. 1920–1940. France]. L. Mnukhin (ed.). Vol. 4: Indices. Moscow, 1997.]

Самарины, 2001 – Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М., 2001. [Samariny. Mansurovy: Vospominaniya rodneykh [The Samarins. The Mansurovs: Memoirs of their relatives]. Moscow, 2001.]

Серов, 1971 – Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 2. Л., 1971. [Valentin Serov v vospominaniyakh, dnevnikakh i perepiske sovremennikov [Valentin Serov in memoirs, diaries and correspondence of his contemporaries]. Vol. 2. Leningrad, 1971.]

Серпинская, 2003 – Серпинская Н. Флирт с жизнью: (Мемуары интеллигентки двух эпох). М., 2003. [Serpinskaia N. Flirt s zhiznyu: (Memuary intelligentki dvukh epoch) [Flirtation with life (Memoirs of an intellectual of two eras)]. Moscow, 2003.]

Собинов, 1970 – Леонид Витальевич Собинов. Т. 2. Статьи, речи, высказывания. М., 1970. [Leonid Vitalievich Sobinov. Vol. 2. Articles, speeches, statements. Moscow, 1970.]

Сологуб, 2010 – Сологуб К.Н. «Душа русская, широкая, свободная...» // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. IX. СПб., 2010. С. 178–187. [Sologub K.N. "Russian soul, wide and free...". *Nevskii arkhiv*. Vol. IX. St. Petersburg, 2010. Pp. 178–187. (In Russ.)]

Сомов, 2017 – Сомов К. Дневник. 1917–1923. М., 2017. [Somov K. Dnevnik. 1917–1923 [Diary. 1917–1923]. Moscow, 2017.]

Союз писателей, 2015 – «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. Кн. 2. М., 2015. [«My predchuvstvovali polykhanie...»: Soyuz sovetskikh pisateley SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [“We had a presentiment of a blaze...”: The Union of Soviet Writers of the USSR during the Great Patriotic War]. Vol. 2. Book 2. Moscow, 2015.]

Строка, 1976 – Строка, оборванная пулей / Сост. и ред. А.Г. Коган, З.П. Корзинкина. М., 1976. [Stroka, oborvannaya puley [A line broken off by a bullet]. A.G. Kogan, Z.P. Korzinkina (eds.). Moscow, 1976.]

Таинства игры, 2007 – Таинства игры: Аделаида Герцык и ее дети / Сост. Т.Н. Жуковская. М., 2007. [Tainstva igry: Adelaida Gertsyk i ee deti [Mysteries of the game: Adelaide Gertsyk and her children]. T.N. Zhukovskaya (ed.). Moscow, 2007.]

Тестаччо, 2000 – Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений / Сост. В. Гасперович и др. СПб., 2000. [Testachcho. Nekatolicheskoe kladbishche dlya inostrantsev v Rime: Alfavitnyy spisok russkikh zakhoroneniye [Testaccio. A Non-Catholic Cemetery for Foreigners in Rome: An Alphabetical List of Russian Burials]. V. Gasperovich et al. (eds.). St. Petersburg, 2000.]

Толстова, 1972 – Толстова Н.А. Внимание, включая микрофон! М., 1972. [Tolstova N.A. Vnimanie, vklyuchayu mikrofon! [Attention please, I turn on the microphone!]. Moscow, 1972.]

Цветаева, 2001 – Цветаева М. Записные книжки в двух томах. Т. 2: 1919–1939. М., 2001. [Tsvetaeva M. Zapisnye knizhki v dveh tomakh [Notebooks in two volumes]. Vol. 2: 1919–1939. Moscow, 2001.]

Чуковский, 2013 – Чуковский К.И. Собрание сочинений. Т. 14. М., 2013. [Chukovsky K.I. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 14. Moscow, 2013.]

Шереметева, 2005 – Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания. М., 2005. [Sheremeteva O.G. Dnevnik i vospominaniya [Diary and memoirs]. Moscow, 2005.]

Шиль, 2018 – Шиль С.Н. Крымские записки. 1916–1921. М., 2018. [Shil S.N. Krymskie zapiski. 1916–1921 [Crimean notes. 1916–1921]. Moscow, 2018.]

Эфрон, 2010 – Эфрон А. «А жизнь идет как Енисей...». Туруханская ссылка: из писем, стихов, рассказов, записей; Федерольф А. Рядом с Алей. М., 2010. [Efron A. «A zhizn idet kak Enisey...». Turukhanskaya ssylka: iz pisem, stikhov, rasskazov, zapisey [“And life goes on like the Yenisei...”. The Turukhansky exile: Letters, poems, stories, notes]; Federolf A. Ryadom s Aley [Together with Alya]. Moscow, 2010.]

Эфрон, 2013 – Книга детства: Дневники Ариадны Эфрон. 1919–1921. М., 2013. [Kniga detstva: Dnevniky Ariadny Efron. 1919–1921 [The Book of Childhood: Ariadna Efron’s Diaries. 1919–1921]. Moscow, 2013.]

Статья поступила в редакцию 19.10.2020
The article was received on 19.10.2020

Об авторе / About the author

Соболев Александр Львович – независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Aleksandr L. Sobolev – Independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3820-4263>

E-mail: trirodov@gmail.com